

ШТАБС-КАПИТАН ЗОЩЕНКО

Один молодой человек, обдумывающий житье, спросил однажды у Михаила Михайловича Зощенко: "А существует ли судьба? Не метафора ли это, или - псевдоним?" И Зощенко ему ответил: "Чтобы это знать - нужно уметь проникнуть в тайны жизни. Судьба - это та страсть, то предудказанное поведение, которым впрок заражает человека жизнь". Если бы Зощенко такое сообщил не тому юноше, а своему персонажу, от лица которого написал лучшие свои рассказы, - какому-нибудь Инвалиду Гаврилычу, - то "инвалид" (якобы мешанин) почувствовал бы себя точно в театре: "Сижу это я на галерке и ни хрена не вижу..." То есть - тем же языком выражаясь - не понял бы ни хрена.

Сам Зощенко был от природы человек уязвленный. Он пожелал одолеть судьбу: как бы "вылечиться" от самого себя. Но она (судьба!) жестоко над ним насмеялась, пожалуй, это был даже не смех - натуральный хохот, как у "инвалида"-читателя. Сперва, правда, вылупилась только насмешечка (намек, предзнаменование) - часть тиража первой зощенковской книжки ("Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова") по ошибке вышла в обложке "Трактата о трагическом", сочиненного известным театроведом К. Державиным. Зощенко засмеялся бы первым - если б умел. Что трактат был первым намеком, ясно только теперь, но самое забавное было в том, что сочинение господина Державина (Константина), известное очень немногим, отличается редким даже для театроведческой литературы занудством...

Судьба - это бык, которого нужно немедленно схватить за рога, - примерно так думал Зощенко. И схватил: популярность его была невероятной, любили, кажется, все - от Маяковского до Утесова, не говоря о "гаврилычах". Всесоюзный староста, вручая орден, вдруг понял, кого он наконец видит: отпрянул, страшно удивился и с искренней нежностью произнес, глядя в сумрачное лицо: "Так вот вы какой, Михаил Михайлович!" И прицепил орден. Зощенко был "такой": печальный, сумрачный, но он боролся - исцелялся сам! - и, кажется, был близок к победе. Все рухнуло в одночасье в 1948-м, но в том знаменитом постановлении был смех (хохот!), которого тогда не услышал никто. Это - сочетание двух имен, оказавшихся словно спятыми навсегда, это гениальная "рифма": Зощенко и Ахматова... Попробуйте произнести наоборот: Ахматова и Зощенко - не звучит. Понятно, что обоим было тогда не до смеха, и, разумеется, они были знакомы. Но каким должен был оказаться их диалог с точки зрения "гаврилыча", впервые услышавшего эти имена рядом?

В одной повести Зощенко девушка спрашивает: "Вася, отчего поет соловей?" А Вася отвечает: "Жрать хочет, оттого и поет". Теперь поставьте на место девушки Анну Андреевну, а на место Васи - Михаил Михайлыча, смеявшегося прежде (когда писал) не над

Васей, а над заворожившим девушку соловаем, и - оцените юмор товарища Жданова Андрея Александровича, ничем не уступающий зощенковскому. Понятно, "острил" не Жданов - насмеялась судьба, которой Жданов был, что называется, послушным оруди-ем, и еще понятно, что травля была несправедливой только со стороны Жданова, партии и правительства. Потому что судьба - она всегда права! Об Ахматовой, которая когда-то надела узкую юбку, чтобы казаться мужчинам еще стройней (так пересказал бы Зощенко. Или Вася), мы сейчас рассуждать не станем: о ней, как говорится, все сказано, но Михаил Михайлыч... За что боролся, на то и напоролся. Так ему и надо. Почему, спросите?

...В юности он как-то прислал сестре книги двух любимых авторов - оказывается, это были Фридрих Ницше и Александр Блок. Третьим (в этом он признался на склоне лет) оказался даже не Гоголь (которого не мог не любить), но Кнут Гамсун. В сущности, Зощенко вышел из них, а не из какого-нибудь "шинели", гоголевской или натуральной, которую носил офицером на фронтах Первой мировой войны, где был контужен, отравлен газом, награжден и дослужился до штабс-капитана. Но замечательно, что рядом с Ницше и другими было еще увлечение, страстное и только на первый взгляд неожиданное: читал заповоем А. Вербицкую. "Ключи счастья" - этого он искал всю жизнь до 48-го года. В юности сочинил рассказы - безо всякого юмора, - как молодая женщина, вышедшая за богатого старика, томится, тоскует, и наконец изменяет мужу, который почему-то молодеет от этой измены, и тогда жена к нему возвращается (будущая "Возвращенная молодость"). И много раньше, чем стать "великим юмористом" (великим он стал, но юмористом - едва ли), он разделался с Блоком: написал о нем с точки зрения будущего Васи. К. Чуковский, читая, задыхался от смеха, но вряд ли тогда сообразил, что юмор-то весь из Ницше: "восстание масс". Зощенко оказался среди восставших. Он не "вырос из Блока" (этого и нельзя сделать), Блока он обошел, в Блока он плюнул. Чтобы быть "как все" - здоровеньким. Отсюда его сумрак, ипохондрия, неумение смеяться.

По-человечески его жалко, хотя судьба, повторяю, права. Зощенко был гордец и прекрасный писатель, но человек крохотный: Санин из Арцыбашева с тоской о "свободной любви"... После его смерти несколько друзей собрались помянуть. Один из них поднял тост - в память о великом писателе, и воцарилось молчание, которое нарушил Д.Д.Шостакович. Уныло - безо всякого юмора - Шостакович вдруг выговорил: "Да, покойник был великий писатель. Но в преферанс играть не умел..." Вот она, судьба: не везло в картах.